

— Когда ты уже успокоишься со своей гиперактивностью? — с презрением произнёс Линь Ци.
— В какой бы съёмочной группе ты ни был, ты так и не научился перенимать хорошее от окружающих. Просто ослеп я, как собака...

Он расстегнул молнию на боковой части чемодана, и Цюй Хайяо с удивлением обнаружил, что там лежит целая половина чемодана согревающих пластырей.

— ... Линь-мама, ты что, бросаешь меня? Хочешь, чтобы я провёл здесь всю зиму? — Цюй Хайяо смотрел на эти плотно упакованные пластыри, не сразу понимая, что происходит.

Выражение лица Линь Ци стало ещё более пренебрежительным:

— Ты что, думаешь, это для тебя? Это чтобы ты раздавал другим актёрам!

Цюй Хайяо наконец понял, но сразу же почувствовал гнев, как будто у него украли идею:

— Я и сам знал! Даже если не буду использовать, оставлю их брату!

Линь Ци на мгновение замер, а затем на его лице появилось странное выражение, смесь любопытства, возбуждения, пошлости и презрения, которое заставило Цюй Хайяо восхититься:

— «Брат»? Кто это «брат»? Ты теперь в съёмочной группе свой парень?

Под таким откровенным допросом Линь Ци у Цюй Хайяо возникло противоречивое чувство, как будто он скрывает драгоценность, — он хотел похвастаться, но не хотел, чтобы об этом знали. Он надул губы и, с видом, который явно пытался скрыть самодовольство, бросил взгляд на Линь Ци:

— Брат — это брат. Как ты думаешь, кто в этой группе больше всего похож на моего брата?

Линь Ци, которого до этого момента немного тошнило от выражения лица Цюй Хайяо, услышав это, не смог усидеть на месте и вскочил от возбуждения:

— Это Жун И? Ты с ним подружился? Он признал тебя братом?

Цюй Хайяо слегка сник, но тут же выпрямился и упрямо заявил:

— Хотя он сам этого не сказал, в душе он уже считает меня братом!

Цзя Цзюнь и Гуань Сяоцзюнь, которые помогали Линь Ци убираться, обменялись взглядами, оба считая, что их босс становится всё более наглым.

Линь Ци издал звук, полный сожаления, чувствуя, что никогда в жизни не видел такого бесстыдного человека.

— Да ладно тебе, скорее всего, ты сам пристаёшь к нему, а Жун, великий Киноимператор, из уважения к своему статусу не вышвырнул тебя, и ты уже лезешь на голову.

Цюй Хайяо действительно хотел возразить, но, подумав, понял, что слова Линь Ци, похоже, были правдой, и его боевой дух потихоньку угас. Он сидел, хмуро глядя на Линь-мamu. Линь Ци в ответ лишь закатил глаза и продолжил наставлять его:

— Хорошо, что ты хочешь наладить отношения с ним, но помни, кто он такой. Не перегни палку.

Цюй Хайяо не знал, как объяснить Линь Ци, что он действительно считает свои отношения с Жун И хорошими. Хотя, как и говорил Линь Ци, в основном это Цюй Хайяо приставал к Жун И, и именно он самовольно изменил обращение к нему. Но в глазах Цюй Хайяо, раз уж он сам решил называть его «учителем Жун», и тот никогда не одобрял и не отрицал это, то почему бы не изменить обращение на то, которое ему больше нравится, если Жун И не против?

Поэтому он самовольно начал называть Жун И «братом», как будто это было естественно. И не только коллеги по съёмочной группе считали это уместным, но и сам Жун И не возражал. Даже когда Цюй Хайяо впервые назвал его «братом», он не удивился и не растерялся, как будто даже если бы Цюй Хайяо однажды назвал его «Жун-собакой» или «Жун-кожевником», его реакция была бы такой же.

Жун И также никогда не проявлял неприязни к навязчивости Цюй Хайяо, возможно, потому, что его поведение не было слишком навязчивым, просто по сравнению с тем, как он раньше избегал Жун И, теперь оно стало более естественным.

У Цюй Хайяо были свои соображения. После того дня, когда он зашёл в комнату отдыха Жун И и поел с ним, он не только прочистил свои душевные каналы, но и понял ещё одну вещь: разница в статусе между ним и Жун И действительно огромна. Хотя он не понимал, почему Жун И в публичных местах, похоже, не хотел быть слишком близким с ним, он знал, что у него на это были свои причины. Цюй Хайяо чувствовал, что ещё не пришло время спрашивать об этом, но он был готов уважать и следовать подходу Жун И.

На людях они просто нормально общались, как коллеги и старший с младшим, которые наконец сблизились. В частной жизни Цюй Хайяо больше никогда не заходил в комнату отдыха Жун И, чтобы поесть, как в тот день. Он не хотел, чтобы кто-либо, включая Жун И, думал, что он ищет выгоду от его комфортных условий. В тот день в комнате отдыха Жун И, хотя они уже всё обсудили, это чувство «не хочу, чтобы Жун И меня презирал» не исчезло, а лишь укрепилось.

Чем больше он уважал этого человека, тем больше чувствовал, что должен стремиться к своей цели, чтобы быть достойным этого уважения и того, что Жун И не отворачивается от него.

Поэтому, хотя его мышление уже изменилось, внешне в отношениях Цюй Хайяо и Жун И не произошло значительных изменений, разве что обращение стало более близким. Однако, даже несмотря на это, Цюй Хайяо, взглянув на кучу согревающих пластырей, принесённых Линь Ци, задумался и затем схватил телефон, открыл WeChat и спросил Жун И, удобно ли сейчас зайти к нему в комнату.

Жун И холодно ответил, что неудобно, даже не поставив знаков препинания.

Цюй Хайяо окончателью сник, уткнувшись лицом в кровать и притворившись мёртвым. Линь Ци, увидев, как он взял телефон, догадался, что он делает, и теперь, видя, что Цюй Хайяо явно наткнулся на стену со стороны Жун И, не смог сдержать смеха и начал беззастенчиво насмехаться. Они начали перебрасываться колкостями.

Цюй Хайяо уже больше месяца был в съёмочной группе на самом дне пищевой цепочки, и теперь, наконец, нашёл человека, с которым можно пошутить, и выпустил всю накопившуюся энергию, сражаясь с Линь Ци. Гуань Сяоцзюнь и Цзя Цзюнь, которых они довели до головокружения, не смели высказать своё недовольство, и комната на мгновение стала похожа на шумный рынок ранним утром, пока стук в дверь не прервал их словесную битву.

Гуань Сяоцзюнь, как будто получив помилование, пошёл открыть дверь и увидел Жун И,

который смотрел на хаос в комнате с видом, словно наблюдал за цирковым представлением:

— Вы тут ярмарку устроили?

Линь Ци смотрел с недоумением, как длинные ноги Жун И перешагивают через разбросанные по полу вещи из его чемодана. Цюй Хайяо, увидев Жун И, мгновенно вскочил с кровати, с радостным выражением лица и криком «брат!» начал показывать ему согревающие пластыри.

— Брат, смотри! У меня тут есть классная штука!

Он разорвал упаковку и показал Жун И.

— Это можно прямо на кожу клеить, и ничего не видно! Хоть и маленькие, но если наклеить несколько, то согреет! Линь-мама принёс мне целую кучу!

Жун И поздоровался с Линь Ци. Тот всё ещё был в шоке от того, что Жун И сам пришёл, и реагировал медленнее, чем обычно. Жун И не обратил на это внимания и начал изучать упаковку согревающих пластырей — он немного знал японский и пытался прочесть состав и инструкцию. Цюй Хайяо подумал, что он беспокоится, что режиссёр узнает, и успокоил его:

— Не волнуйся, я никому, кроме тебя, не дам, никто не узнает.

Линь Ци смотрел с головной болью на то, как Цюй Хайяо самовольничает, но не мог ничего сказать при Жун И. Жун И, однако, покачал головой:

— Ничего, даже если режиссёр Вэнь узнает, он нас не поругает. Он не против таких вещей. Некоторые режиссёры считают, что страдания актёров помогают им вжиться в роль, а некоторые — нет. Режиссёр Вэнь относится к эффективным — ему всё равно, как ты это делаешь, главное, чтобы результат был.

Цюй Хайяо внимательно кивнул, подумал и затем спросил:

— А как понять, какой режиссёр эффективный, а какой нет?

Жун И поднял лицо и сделал заметное движение носом, словно вдыхая воздух, его взгляд устремился вдаль, как будто он вспоминал и размышлял одновременно.

<http://bllate.org/book/16304/1470816>